

Ежи Кавалерович: время гасить долги

Ежи Кавалерович — один из трех столпов золотой поры польского кино. Тогда, во второй половине 50-х годов, на экран вышли "Канал" и "Пепел и алмаз" Анджея Вайды, "Eroica" и "Косоглазое счастье" (в советском прокате "Шесть превращений Яна Пищика") Анджея Мунка, "Поезд" и "Мать Иоанна от ангелов" самого Кавалеровича.

Его персонажи, люди разных стран и эпох, всегда одержимы идеей суверенности собственной личности, их отношения с историей или властью (которая в его фильмах часто и есть воплощение истории) всегда конфликтны. Как бы ни было узко пространство их независимости, они готовы оборонять его любой ценой и до конца. Наверное, именно поэтому руководитель независимой киностудии "12А" в Москве Александр Михайлов предложил режиссеру экранизировать рассказ Льва Толстого "За что?", премьера которого состоялась в России (в Иркутске и Москве) и в Польше (в Гданьске и Варшаве), — первая международная кинопродукция, в которой участвует живой классик десятилетия.

Наш разговор состоялся после московского показа картины. Не любитель давать интервью, Кавалерович на этот раз был оживлен и разговорчив. Предупредив с самого начала, что об обстоятельствах сотрудничества с русскими партнерами говорить особо не расположен ("Все было нормально. Трудно, конечно, только где сейчас легко?"), он, однако, признался: "А знаете, я разохотелся, и не исключено, что сниму с А. Михайловым чисто российский фильм. Он меня убеждает, что "Жизнь Василия Фивейского" Леонид Андреев — «мой» сюжет. Очень может быть".

— Такое впечатление, что в последние годы польское кино очень большое внимание уделяет темам взаимоотношений с другими народами — русскими, евреями, украинцами, немцами. В общем, понятно, почему так получилось: запретное стало разрешенным. Но интересен ваш взгляд на ситуацию. Что вызвало волну, даже вал интереса к польско-русским отношениям — только ли свобода слова? или к этому примешиваются также мода, спекулятивный умысел и даже своего рода демагогия?

— Русско-польские отношения с давних времен были, позволю себе так выразиться, избранной темой не только польской культуры, но и польского национального сознания. Величайшее произведение нашей словесности, "Дядя" Мицкевича, наполовину об этом. Стоит отдавать себе отчет в том, что проблема всегда существовала не только в интеллектуальной, научной или поэтической версии, но и на уровне массового фольклорного сознания, которое, кстати сказать, активно подпитывал наш нобелевский лауреат Генрик Сенкевич своими якобы историческими романами.

В этом фольклорно-обыденном варианте проблема представляла, да и предстает еще сегодня просто и без затей: Россия теснила и истребляла

поляков, а поляки бунтовали против России. Здесь основа польского романтизма, и здесь же первооснова нашего патриотизма. Мне было интересно работать над неромантическим и неполемическим текстом на эту тему, да к тому же это еще и текст самого Толстого, так что настроение режиссера, по-моему, не нуждается в пространном описании.

— Вы готовы к тому, что картину ваши соотечественники не примут?

— Не в этом дело. Просто пришлось преодолевать сложившиеся схемы и стереотипы.

— Сложившиеся еще со времени разделов?

— Именно. Царская Россия ссылала поляков за восстания, неповиновение власти, и эти наказания совершенно сопоставимы, скажем, с приговорами,

"Кадр" приносили уже сценарии. Ни по каким параметрам они даже близко не соотносятся с темой.

— У Вайды в Катини погиб отец.

— Возможно, именно это и останавливает его от того, чтобы взяться за такой фильм. Тут еще интересный сюжет вырисовывается: исторический фильм и политическое кино. Я не люблю политическое кино и, по-моему, не сделал ни одного политического фильма, за исключением разве что "Смерти президента". Политика — это борьба за власть. А механизм власти приводит в действие примитивная пружина: тот, кто хочет власти, должен убрать (не обязательно физически, но часто и физически) тех, кто имеет власть. Сама по себе эта тема огромная, шекспировская, универсальная. Но кто из нас поднимался выше сиюминутности, выше публицистики на злобу дня?

— Поэтому вас заинтересовал этот рассказ (или маленькая повесть) Л. Толстого?

— Он о людях. О том, как игры власти предрекающих отзываются на судьбах обычных людей.

— Толстой писал "За что?" незадолго до своей смерти, во время своих напряженных духовных поисков, яростного диалога с Церковью как социальным институтом. Не полагаете ли вы, что вынесенный в заголовок вопрос обращен туда же?

— Я это там прочитал. Меня ошеломила предыстория этого произведения. И то, что Толстой испытал потрясение, прочитав у Максимова историю семьи Мигурских, и то, что он обратился к нему за разрешением использовать материал, и то, что постоянно просил друзей и знакомых присылать или рекомендовать ему книги о Польше. Где-то он написал, что, рассказывая историю, надо знать правду обеих сторон. И, наконец, то, что он написал много вариантов рассказа, менял в них подробности, добавлял и убирал некоторых персонажей, но

всегда твердо держался главного, того, что в письме к одному из своих корреспондентов он сформулировал как свой нравственный долг или даже грех. "Во мне с детства развивали ненависть к полякам, и теперь я отношусь к ним с особенной нежностью, оплачиваю за прежнюю ненависть". Мы вынесли эти его слова в эпиграф к картине.

— Один из первых вариантов произведения Толстой назвал "Непоправимо". Неужели действительно прошлое наших народов всегда останется их настоящим и будущим?

— Я не ясновидец. Но и не романтик. Пока всерьез дело не изменилось.

— Прямой потомок графа Никита Ильич Толстой смотрел вашу картину и после не без некоторого удивления констатировал: "А там действительно есть толстовское".

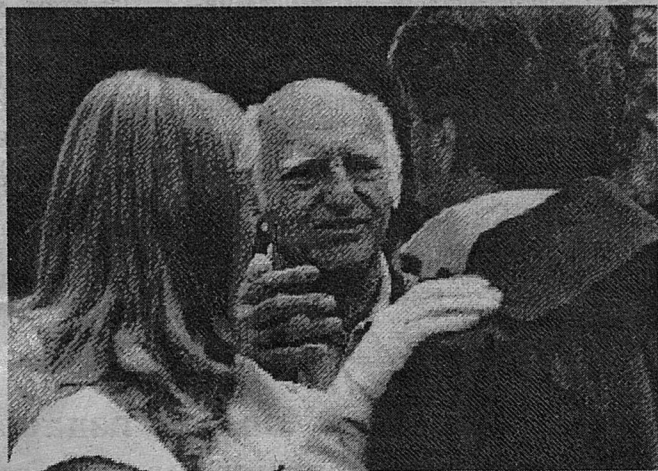
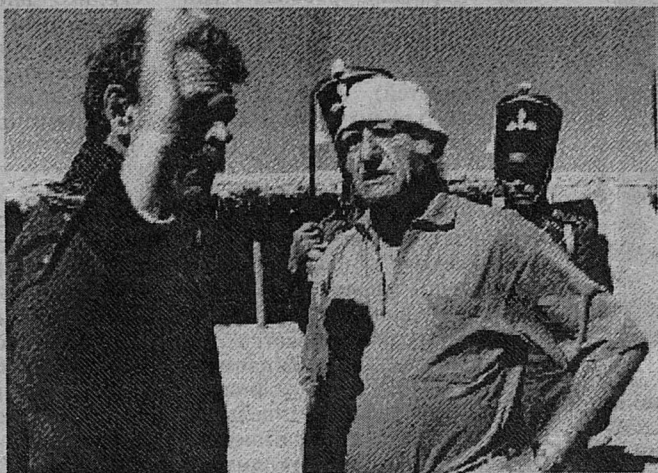
— Это комплимент, о котором и мечтать-то неудобно. Сейчас я себе говорю две вещи. Я хотел сделать фильм, и я сделал его так, как хотел. Но если бы я сегодня начал его снимать, я решил бы его жестче, печальнее.

— В каком направлении жестче?

— Говоря попросту, нужно было показать жизнь ссыльных более тяжелой с точки зрения современного человека, который столько вынес, такое испытал, что для него быт Мигурских в нашей картине — почти сносный. Человеческая несвобода должна отвращать в любых своих проявлениях.

Беседу вела
ИРИНА РУБАНОВА

Москва—Варшава

Ежи Кавалерович на съемках фильма «За что?»

вынесенными судьями Николая I декабристам. Потому что поляки были россиянами, царско-подданными, а не иностранцами, не гражданами другой страны. В литературе и живописи сложилась устойчивая атрибутика этих, как мы говорим, русско-польских взаимоотношений: кандалы, скрипучие телеги, Сибирь и безмерные унижения, унижения, унижения. Я не говорю, что так не было, что это Сенкевич и массовое сознание придумали этапы, неволю, бесконечно длинные сроки изгнания.

Но кроме этапов и кандалов звона была жизнь — любовь, семья, дети и даже активная научная деятельность. Таинственным образом неволю выработала некий интеллектуальный фермент. Поезжайте в Иркутск, сходите в местный музей, очень много интересного можно узнать о деятельности моих земляков в ссылке. В Польше это, конечно, известно ученым, специалистам, но в народном сознании такая информация отсутствует. Во многом это объясняется тем, что современный взгляд включает в себя более поздние реалии, которые, если быть точным, тоже функционируют как знаки определенной социальной мифологии. И главный зловещий сигнал здесь, разумеется, Катинь. Так есть, так всегда будет.

— О трагедии Катини нет пока художественных произведений. Есть публицистика, есть мемуары Юзефа Чапского. Есть документальный эскиз режиссера Марцеля Лозинского. Остальное — молчание.

— Я не берусь подыскивать объяснения, почему тут имеет место торможение. Мне как руководителю студии